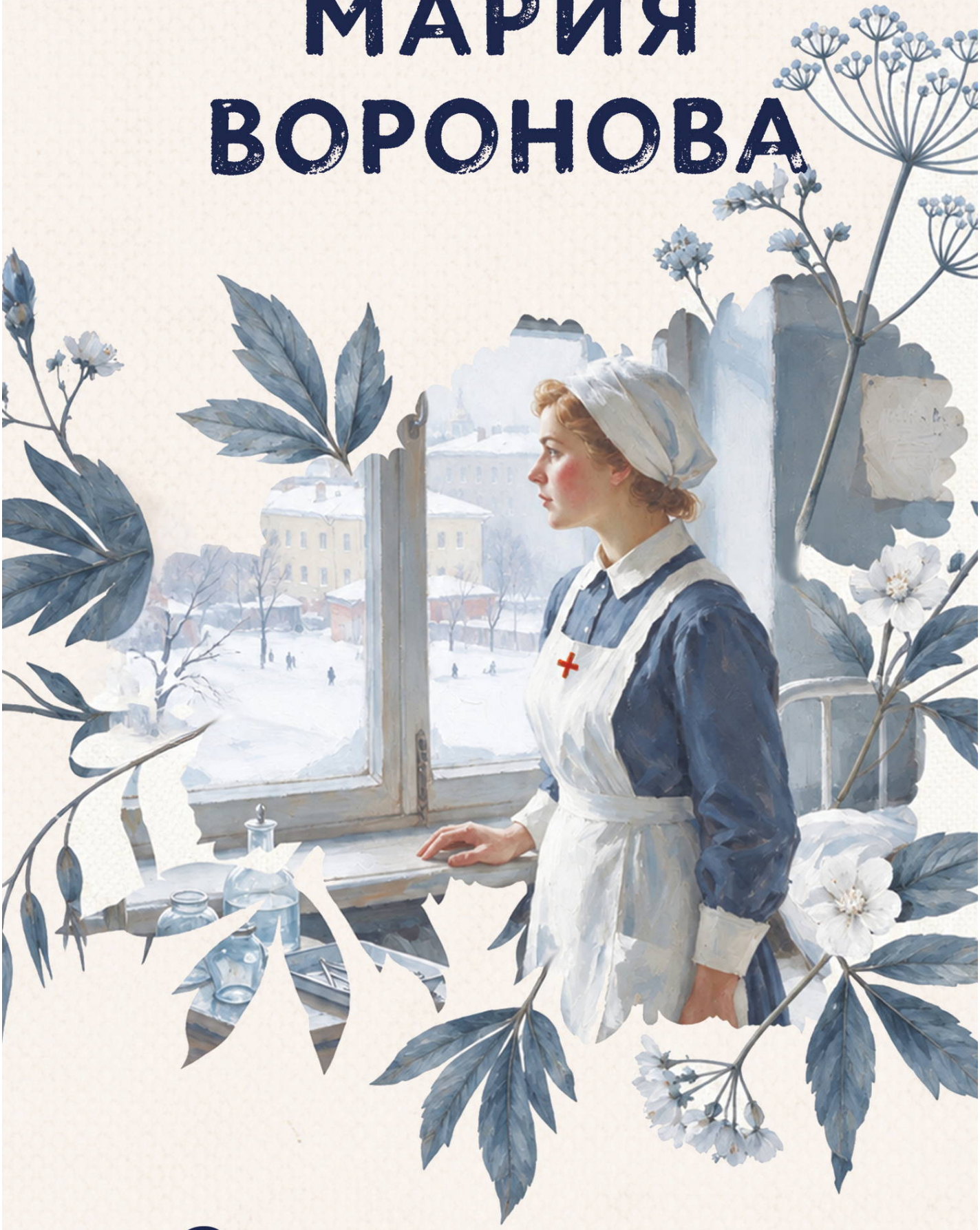
МАРИЯ ВОРОНОВА

Сестра разлуки

Судьба не по рецепту. Романы М. Вороновой

Мария Воронова

Сестра разлуки

«Эксмо»
2027

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронова М. В.

Сестра разлуки / М. В. Воронова — «Эксмо», 2027 — (Судьба не по рецепту. Романы М. Вороновой)

ISBN 978-5-04-242877-7

ДРАМАТИЧЕСКИЙ РОМАН О СУДЬБАХ ЛЕНИНГРАДСКИХ ВРАЧЕЙ, СЕМЕЙНОЙ ВЕРНОСТИ И ЛЮБВИ, КОТОРАЯ СИЛЬНЕЕ СТРАХА. А что, если привычный мир рухнет за одну ночь, и единственное, что поможет выстоять, — это верность тем, кого любишь? Ленинград накануне великих потрясений. За окнами коммуналок — тихий шелест снежинок, студенческие аудитории и привычные заботы, а в операционных Военно-медицинской академии врачи ежедневно совершают негромкий подвиг, спасая человеческие жизни. Но наступают времена, когда спасать приходится уже самих спасателей. Неожиданный арест выдающегося хирурга Константина Воинова раскалывает жизнь его близких на «до» и «после». Вся тяжесть свалившейся беды ложится на плечи его беременной жены Элеоноры. Старшая операционная сестра, привыкшая бороться со смертью у хирургического стола, теперь вынуждена вступить в схватку с бездушным механизмом эпохи. Отказавшись от спасительного малодушия и предательства, она делает все, чтобы защитить дом, сберечь будущее своего нерожденного ребенка и спасти мужа. На разломе эпохи именно женская верность, врачебная честь и готовность подставить плечо становятся главным оплотом ленинградской интеллигенции. Похоже на: - «Однажды ты узнаешь» Натальи Соловьевой — по драматизму судеб интеллигенции на фоне потрясений XX века и теме женской стойкости - «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова — по психологическому накалу эпохи 1930-х годов и точности передачи исторической атмосферы - «Зулейха открывает глаза» Гузель Яхиной — по силе человеческого духа, преодолевающего жернова несправедливых испытаний 5 причин купить: 1. Мария Воронова — известный хирург, кандидат медицинских наук, автор операционных методик и… более десятка романов, которые широко обсуждаются в Сети. 2. Место действия — предвоенный Ленинград конца 1930-х годов: от заснеженных набережных

Невы и комнат коммуналок до строгих аудиторий и операционных блоков Военно-медицинской академии. 3. Такое чтение — это опора и напоминание о том, что человечность, благородство и искренняя любовь способны выдержать самое суровое давление обстоятельств и победить страх. 4. Достоверный взгляд изнутри медицинской среды: сложные операции, этика врачей и самоотверженная борьба за жизнь пациентов переплетаются с личной драмой героев. 5. Красивое издание, комфортный шрифт и твердый переплет делают книгу приятным подарком себе и близким — к Новому году, 8 марта, дню рождения и любому празднику.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242877-7

© Воронова М. В., 2027
© Эксмо, 2027

Мария Воронова
Сестра разлуки

© М. В. Виноградова, текст, 2027
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2027

* * *

Спала она, не спала? Кажется, только моргнула, но почему тогда такая тьма вокруг? Боже, какой ужас, и который теперь час? Неужели ночь? Как же так? Бежала из института со всех ног, чтобы все подготовить к приходу Александра Николаевича, а взяла и все проспала! На секунду только присела на стул, перевести дух, и вот пожалуйста!

Катя огляделась. Темно, но окна в соседнем доме еще светятся…

Тут за спиной послышался шелест страниц, и Катя обернулась. Стенбок сидел в кресле и читал газету. На абажур настольной лампы он набросил свой китель, чтоб свет не бил ей в глаза и не разбудил. Суровое его лицо с льдистыми серыми глазами еле угадывалось в полумраке.

– Вы! – сказала она и засмеялась от счастья.

– Я, – кивнул он серьезно, – прошу прощения, что так запросто у вас расположился.

– Как же иначе, Александр Николаевич, как иначе! Это вы меня простите, что я заснула таким позорным образом…

– После двух бессонных ночей подряд, – сказал он все так же серьезно, – и заметьте, весьма полезных для человечества ночей. Утром я получил от Татьяны Павловны серьезное замечание, что если я в самом деле так пекусь о работе клиник, как об этом говорю, то мог бы и не жениться на лучшей медсестре пятилетки.

– Она преувеличивает.

– Нисколько. Я хотел перенести вас на кровать, но побоялся разбудить. По опыту знаю, что такой сон золотой.

Катя вскочила, стараясь не пошатнуться на слегка все-таки занемевших ногах, и заверила Александра Николаевича, что отлично отдохнула и чувствует себя совершенно бодрой.

– Ну-ну, – только и сказал он. И аккуратно сложил газету.

– Я приготовлю ужин, – сказала Катя, – это быстро.

Все равно сегодня будет не так идеально, как было бы вчера.

– А хотите, пойдем в ресторан? – Отложив газету, Стенбок поднялся с кресла и подал ей согнутую в локте руку, будто приглашал на танец.

Катя нахмурилась и отступила.

– Честно признаться, не очень.

– И вы, пожалуй, правы. Ваше окно бодрости будет очень коротким, насколько я могу судить по собственному опыту. Час-полтора, и вы все на свете отдадите за тишину и мягкую подушку.

– За час успею вас накормить.

Стенбок мягко взял ее за руку и заглянул в глаза:

– Катя, хотите, отложим?

Она помедлила с ответом. Наверное, так действительно будет лучше…

– Надолго? До старости? – услышала вдруг собственный веселый голос. – Или сразу до смерти?

– Хотя бы до завтра. Вы устали…

– А завтра что изменится? Такая уж жизнь медицинская, Александр Николаевич, то дежурство, то экстренный вызов: то у вас, то у меня.

– Верно.

– Сейчас мы с вами здесь вместе, что еще нужно?

Стенбок крепче сжал ее руку:

– Катя, я беру у вас так много… и так буднично, будто мимоходом. Так не должно быть.

– А как должно?

Он глазами показал на вазу с цветами, еле заметную при свете ночника. Сейчас в полумраке все казалось Кате уютным, родным и в то же время незнакомым.

– Я принес астры, Катя. Осенние цветы. А вам сегодня нужен флердоранж.

– Я даже не знаю, что это такое.

– И не узнаете из-за меня.

– Александр Николаевич, я смогу жить с этим дальше, поверьте.

Стенбок выпустил ее руку и отошел к окну.

– В юности, Катя, – сказал он сухо, – подобные вещи действительно кажутся ничего не значащей ерундой, глупыми традициями, а то и предрассудками, но в зрелые годы, а тем более в старости, когда жизнь состоит главным образом из воспоминаний, становится важным, чтобы они были. Чтобы первая брачная ночь действительно осталась событием, а не просто очередным перерывом между дежурствами.

Катя засмеялась и ничего не ответила.

– Признаюсь, я здесь, потому что обещал, – продолжал Стенбок так же сухо, – но шел сюда с тяжелым сердцем, как человек, который собирается взять то, что ему не принадлежит.

Катя встала рядом с ним, и вместе они стали смотреть, как в окнах дома напротив зажигается и гаснет свет. Помолчали.

Подумав, что Александру Николаевичу хочется курить, Катя открыла форточку.

В вечерней тишине послышался стук каблучков. Вскоре под фонарем прошла женщина в цветастой косынке и быстро исчезла в темноте. На третьем этаже соседнего дома танцевали. Ребята в военной форме, наверное курсанты, быстро и радостно кружили девушек по комнате, и Кате показалось, будто она слышит звуки вальса.

Сейчас бы оказаться с Александром Николаевичем рядом с этими ребятами, лететь в танце, и не пришлось бы ничего говорить…

Она тихонько взяла его за руку.

– Мне будет что вспомнить в старости, – сказала Катя осторожно, – день нашей свадьбы был для меня очень счастливым.

Стенбок посмотрел недоверчиво:

– Н-да?

– Да. Вы ведь в тот день спасли меня от смерти и от того, что даже хуже.

– Рад был оказаться полезным, но счастье, Катя, оно ведь не только в этом.

– И платье, в котором тогда была, я храню, как свадебное. А помните, как мы с вами отпраздновали нашу свадьбу в оперблоке? Немножко внезапно, но ведь все равно хорошо?

– Помню, Катя. И правда хорошо.

– Все это у нас было, а вы и не заметили.

– Заметил, Катенька.

– Ну вот…

Рука его, теплая, тяжелая, легла ей на талию и притянула к себе. Катя положила руки на плечи Стенбоку, заглянула в ледяные прозрачные глаза и на секунду испугалась. Сейчас что-то в ней непоправимо изменится, и как она будет? Кем станет? Последняя секунда, чтобы отступить, остаться собой… Страшно, как первый раз прыгнуть с парашютом, только с парашютом, если пройдет успешно, ты приземлишься той, кем была. Наверное, церемония венчания, фата, флердоранж, подарки, свадебный завтрак и медовый месяц специально созданы для того,

чтобы невеста не боялась того, что с нею произойдет, и могла передумать до самого последнего момента. И эту возможность Стенбок дал ей больше, чем любой другой невесте в мире.

Катя закрыла глаза и прижалась губами к сурово сжатым губам Стенбока.

Он ответил на поцелуй осторожно и нежно и мягко отстранил ее.

– Катя, – сказал еле слышно, – говорите мне, если я буду груб или неловок.

Она молча кивнула.

Он повел ее к кровати и откинул одеяло.

– Не смотрите, пожалуйста. – Катя задернула штору, погасила свет, сняла платье и легла.

В комнате было совсем темно, но она все равно зажмурилась, чтобы не видеть, как раздевается муж. Что-то шуршало, шелестело, и вот наконец он лег к ней под одеяло и прижался всем телом. Когда его рука осторожно легла на ее грудь, Катя вздрогнула. На секунду стало так страшно, что она едва не выскочила из кровати, но, призвав на помощь все свое мужество, Катя зажмурилась еще крепче и прыгнула из самолета.

Неизвестность оказалась любовью.

– Душа моя, где у нас будильник? – спросил Стенбок, отдышавшись.

Катя молча показала ему на тумбочку возле кровати, засмеялась и провалилась в сон.

* * *

Только Элеонора засобиралась домой, как прибежала санитарка из приемного с известием, что Константин Георгиевич подает прободную язву. «У какой-то страшно важной шишки», – добавила она таинственным шепотом и исчезла. Вслед за нею почти сразу появился Стенбок и подтвердил, что «шишка» не просто важная, а целый комиссар госбезопасности из Москвы и что ему звонили с самого верха и приказали лично контролировать ход лечения великого человека, именем которого даже названы крупный военный завод и небольшой город где-то на Волге.

Пришлось вновь надевать шапочку и повязывать маску.

– Мне самой помыться? – спросила Элеонора.

– В данном случае лучше все сделать не только хорошо, но и по правилам, – хмуро сказал Стенбок, – чтобы потом не придрались, что жена ассистировала мужу.

– Хорошо. Тогда встанет Люба, она как раз сегодня дежурит, а я прослежу за тем, чтобы все инструменты были под рукой и материала хватило. Хотя мы в экстренной операционной всегда готовы ко всему, независимо оттого, кто поступает, дворник или царь.

– Я знаю, Элеонора Сергеевна, и поверьте, меня бы сейчас здесь не было, если бы не приказ непосредственного начальника.

Подав Стенбоку запасной хирургический костюм, чтобы он мог присутствовать при операции, Элеонора подумала, что непосредственный начальник мог бы и сам похлопотать о столь именитом пациенте, однако нет, прислал начальника клиник, чтобы было на кого свалить, если что-то пойдет не так.

Выйдя в коридор, они заметили, что входная дверь в оперблок приоткрыта и там маячит голова Павловой в колпаке набекрень. При виде их парторг призывно замахала руками. Элеонора вышла к ней в предбанник.

– Вам тоже звонили? – спросил Стенбок.

– Ну естественно. – Павлова стянула с головы колпак и сунула его в карман накинутого на манер бурки халата. – Чем-то могу помочь?

Стенбок усмехнулся:

– Боюсь, Мария Степановна, что тут ваш департамент бессилен. Болезнь, знаете ли, не разбирает, кто более матери-истории ценен. Да и медики наши этим принципом тоже не руководствуются. Лечат всех с максимальной отдачей.

– Знаю, знаю, – Павлова поморщилась, – самой противно. Настоящий коммунист сказал бы «что хорошо для народа, хорошо и для меня» и молча потопал бы в ближайшую больничку. А не устраивал бы аврал на ровном месте.

– Справедливости ради заметим, что суета исходит от подчиненных товарища комиссара, – сказал Александр Николаевич, – но сам принцип весьма сомнителен для общества, которое строит коммунизм.

Элеонора с Павловой переглянулись и ничего не ответили, но, кажется, поняли друг друга в том, что без принципов коммунистическое общество ты, может, и построишь, а вот без великих вождей точно нет.

– Ладно тогда. – Мария Степановна стряхнула халат с плеч тем же движением, каким, наверное, в былые времена сбрасывала шинель. – Не буду вас отвлекать от дела, просто доложу наверх, что товарищ получает самое лучшее лечение, которое только в принципе возможно, и даже больше.

– Было бы очень любезно с вашей стороны, – кивнул Стенбок.

Павлова развернулась было, неожиданно гулко щелкнув каблуками по кафельному полу, но вдруг хлопнула себя по лбу и повернулась обратно.

– Элеонора Сергеевна, вы, как я понимаю, останетесь до конца операции?

– Видимо, придется…

– Что ж, я тогда пойду домой и с вашего разрешения отпущу Надежду Трофимовну.

Элеонора готова была расцеловать соседку. Надежда Трофимовна, няня Сонечки, сама в прошлом операционная сестра, с пониманием относилась к тому, что Элеонора порой задерживается на службе, тем более что они с мужем аккуратнейшим образом выплачивали ей за все переработки, но, когда «порой» превращается в «почти каждый день», тут кто угодно взбунтуется.

– Погуляю с Сонечкой, если вы не против, – сказала Павлова, – и мне кажется, это будет мой лучший вклад в общее дело. На всякий случай, если я вдруг понадоблюсь…

– Вряд ли, – перебил Стенбок с сухим и коротким смешком, – при всем уважении, Мария Степановна, сейчас вы здесь ничем помочь не в силах, так что не будем отвлекать родную партию от заботы о подрастающем поколении.

Павлова то ли сделала вид, то ли действительно не заметила сарказма, просто попросила в случае острой необходимости прислать за ней нарочного.

Хлопнула дверь грузового лифта, и в коридоре послышался мерный стук колес каталки.

– Пора за дело, – сказала Элеонора.

Александр Николаевич пошел в ординаторскую переодеваться, а Элеонора вернулась в операционную. Там Любочка уже намылась и накрывала на резекцию желудка, а в головах стола разворачивал свое хозяйство наркотизатор, молодой доктор Стеценко.

Санитары завезли каталку с пациентом. Грозный комиссар госбезопасности оказался совсем обычным мужчиной средних лет и вел себя тоже обычно, весьма сдержанно и скромно, в общем, глядя на него, никак нельзя было подумать, что он вершит человеческие судьбы одним росчерком пера.

Элеонора поморщилась, отгоняя от себя недостойные мысли. Когда человек заболевает, то не имеет ни малейшего значения, кто он и что он. Даже если на операционном столе окажется лично Сталин или сам черт, надо думать только о том, как ему помочь.

Она села на табурет возле широкого подоконника, где обычно хирурги заполняли направления на гистологическое исследование препарата, и сложила руки на коленях, без слов давая понять, что она не вмешивается в ход операции, но готова прийти на помощь в любую секунду, как только ее позовут.

В операционной царила обычная рабочая обстановка. Костя с ассистентом вошли, неся перед собой стерильные руки, Люба подала корнцанг для обработки операционного поля, Стеценко тем временем начал вводить пациента в наркоз.

Слаженными движениями, как в балете, хирурги ограничили операционное поле стерильным бельем и сами облачились в стерильные халаты. Элеонора встала и, опередив санитарку, сама завязала тесемки халатов у них на спинах, чтобы хоть чем-то оказаться полезной.

Наконец Костя взял в руку скальпель и вопросительно взглянул на Стеценко.

– Можно, – кивнул тот.

– Разрез, – сказал Костя и начал операцию.

«Если он ограничится ушиванием язвы, то я, может быть, еще успею перехватить Павлову, – сообразила Элеонора, – пока она дойдет до дома, пока чай попьет, пока соберется гулять с Сонечкой… Ну да, мне не обязательно ждать до конца операции, кожу они и без меня зашьют…»

Прикрыв глаза, она замечталась о тихом домашнем вечере, которые так редко выпадают на долю работающей женщины. Сегодня она не стояла на операциях и против обыкновения не устала до смерти, значит, сможет и погулять с дочкой, и почитать, и даже проверить у Петра Константиновича домашнее задание по математике. Ну как проверить… Просто с умным видом посмотреть, написано что-нибудь в тетрадке или нет. А если соседи не будут против, можно попросить сына согреть воды и вне очереди выкупать Сонечку. Она обожает плескаться в ванночке и после водных процедур прекрасно спит. Только бы Костя не пошел на резекцию желудка, но при перфорациях это не в его стиле. Он предпочитает не подвергать пациента лишнему риску.

Костя с ассистентом работали спокойно и слаженно, тихо щелкали кровоостанавливающие зажимы, и Стеценко, кажется, тоже был вполне доволен ходом наркоза.

Стенбок сидел в углу на вращающемся табурете и, кажется, тоже не знал, зачем он здесь и чем бы заняться. Элеонора улыбнулась ему, хоть под маской он не мог этого заметить, и снова отдалась своим неспешным и простеньким мечтам. Неужели пройдет совсем немного времени, и хирургия исчезнет из ее жизни надолго, а возможно, и навсегда? И будет ли она скучать, если выберет роль жены и матери?

Элеонора этого не знала. В Смольном институте ее исподволь готовили к участи старой девы, ведь она была некрасива и бедна, значит, не могла рассчитывать на сколько-нибудь приличную партию, а на неприличную княжна не имела права согласиться. По мнению классных дам, ей следовало посвятить себя служению людям, если не пойти в монастырь, то остаться, например, учительницей в институте или жить бедной родственницей в большой семье, помогая вести хозяйство и воспитывать детей. Доподлинно Элеонора этого не знала, но нельзя исключать, что Архангельские взяли ее из Смольного именно с прицелом на то, что она останется в семье их дочери Лизы, когда та выйдет замуж. Слава богу, Петр Иванович предложил ей более достойную судьбу… Но все-таки воспитание дало свои плоды, идея служения пустила корни в душе Элеоноры, с ней она и жила: даже когда вышла замуж за Костю, в этом тоже было служение. Она чувствовала себя в большей степени сподвижницей, соратницей, чем женой, создавала все условия, чтобы прекрасный хирург Константин Георгиевич Воинов мог спокойно работать и спасать людей, ни о чем больше не тревожась. Это была ее миссия. А теперь с этой неожиданной беременностью все как будто осталось по-прежнему, но в то же время неуловимо изменилось. Элеонора вдруг сделалась просто женщиной, которая любит и любима. Так не достаточно ли этого? И детям лучше, когда мать рядом, а то бедный Петр Константинович рос как дикий, с пеленок был сам себе и матерью, и отцом, пока родители пропадали на службе. Вырос хорошим и ответственным парнем от такого воспитания, но был ли счастлив? Не слишком ли рано сделался самостоятельным?

Впрочем, это не такое решение, которое она может принять сама. Нужно обсудить с мужем…

– Ах ты ж ё! – вдруг раздался Костин возглас в спокойной и деловитой тишине операционной.

Элеонора вздрогнула. Оперируя, доктор Воинов всегда оставался спокойным и доброжелательным, и заставить его потерять контроль над собой могло только что-то по-настоящему страшное.

– Что там? – поднялся со своей табуретки Стенбок.

– Да кошмар! Рак выходного отдела желудка, причем запущенный.

Элеонора подавила искушение подойти и заглянуть в рану через плечо Кости, понимая, что пользы никакой не принесет, а хирургам может помешать.

– Исключаете каллезную язву? – с робкой надеждой спросил Стенбок, тоже не решаясь заглянуть в рану.

– Увы, Александр Николаевич. Опухоль, как говорится, с голову пионера.

– Но бывает ведь воспалительный инфильтрат…

– Бывает, но, кажется, не в этот раз… – Костя поправил руку ассистента с крючком и ощупал печень, – метастазов вроде бы не чувствую, и асцита нет, но сальник твердый, да и забрюшинные лимфоузлы… Нет, зло. Без всякого сомнения. Да что говорить зря, Александр Николаевич, взгляните сами.

Пытаясь увидеть операционное поле, Стенбок подошел слишком близко к изголовью пациента и едва не задел плечом штатив капельницы.

– Куда? – шикнул на него Стеценко, для которого во время дачи наркоза не существовало ни авторитетов, ни чинов.

– Простите. – Александр Николаевич послушно отступил и заглянул в рану из-за спины ассистента.

– Ну что? Согласны со мной?

– По всей видимости, безнадежная картина. Но гистологию все же не забудьте взять.

– Да это-то мы сделаем! Проблема в другом. – Костя, хмурясь, снова аккуратно ощупал опухоль. – Зло это или не зло, а перфоративное отверстие не ушить. Физически не закрыть даже без надежды на заживление. Ткани не то что прорезываются, разваливаются под руками. Даже сальником не затампонировать для самоуспокоения, он тоже поражен. Единственный более или менее приемлемый вариант – это идти не на гастростому даже, а на лапаростому. Это позволит нам закончить операцию, но обречет пациента на долгую и мучительную агонию. Одно скажу, Александр Николаевич, я бы не хотел умирать, раскладывая свои кишки по одеялу.

– Варианты?

Костя пожал плечами.

– На меня не смотрите, – буркнул Стеценко.

– Однако не проснуться от наркоза было бы для него лучшим исходом, – сказал Александр Николаевич хмуро, – но специально к этому вести у нас нет прав.

Костя снова погрузил руку в брюшную полость и прикрыл глаза, сосредоточившись на своих ощущениях.

– Есть, конечно, в теории шанс… – протянул он задумчиво, – если мы это все выкинем…

– Вы имеете в виду резекцию?

– Ну да. Опухоль, конечно, здоровенная, но от жизненно важных структур вроде бы можно отскочить, если не наглеть. Но риск колоссальный. Не факт, что я бы влез в такую авантюру, если бы не перфорация. Ах, тут бы по-хорошему второе мнение запросить, но сами понимаете…

Стенбок кивнул и, хмурясь, вернулся на свой табурет.

– Думайте, Константин Георгиевич!

Элеонора понимала, какая борьба сейчас происходит в душе мужа. Интересы больного требуют, чтобы ты позвал на помощь коллегу, но если этот больной – комиссар госбезопасности, то ты подставляешь коллегу под удар. Если комиссар не выживет, очень трудно будет доказать, что убила его болезнь, а не ваш троцкистский заговор.

– Нет бы ей рвануть через пару недель, – вздохнул Костя, осторожно пытаясь приподнять большой сальник.

– А что? Вы в отпуск идете?

– Да нет. Просто тогда бы уже опухоль проросла все что только можно, и не о чем было бы думать.

Стенбок снова подошел к операционному столу:

– Я дам вам второе мнение, Константин Георгиевич.

– Вы?

– Почему бы и нет? Я хоть и не светило мирового масштаба, но диплом врача мне в свое время выдали. Обрисуйте вкратце, насколько все плохо. В самых общих чертах.

Воинов пожал плечами:

– Если в самых общих, то если мы ограничимся малым объемом операции, то шансов пережить ее у него процентов девяносто, но шансов прожить хотя бы пару месяцев ровно ноль. Если же мы пойдем на резекцию, то вероятность летального исхода во время или сразу после операции у нас примерно девяносто пять процентов, зато появляется крохотный шанс пережить зиму. Очень небольшой, но появляется.

– Так в чем же сомнения?

– В том, Александр Николаевич, имеем ли мы право лишать человека гарантированного месяца жизни ради призрачного года.

– Думайте быстрее, у меня наркоз не резиновый, – сказал Стеценко.

Элеонора замерла, стараясь ни вздохом, ни жестом не отвлекать докторов от сложного решения. Порой хирургу приходится выбирать между безнадежным и безнадежным, это всегда трудно, и, что бы ни выбрал, совесть потом все равно будет мучить. Или оттого, что в погоне за ускользающим шансом погубил больного, или, наоборот, что шанса этого его лишил, выбрав менее опасную паллиативную операцию.

– Прокурорская цифра есть? – спросил Стенбок.

Костя кивнул:

– Формально есть. Из анамнеза прошло меньше шести часов с момента перфорации, хотя при опухоли классических симптомов ждать не приходится.

– Опухоль сама по себе резектабельна?

– Да как вам сказать… В теории да, где-то в диапазоне между невозможным и невероятным.

– Идите на резекцию. Я со своей стороны сделаю все, что могу.

Элеонора встала. Решая судьбу больного, Костя со Стенбоком даже не подумали о том, как это отразится на их собственной судьбе. Что ж, она тоже не имеет права об этом думать.

Пока Костя давал указания Стенбоку насчет крови и растворов для внутривенного вливания, она подошла к Любочке и сказала, что заменит ее:

– А ты пока иди, открой вторую операционную и подготовь там все. Мы здесь надолго, а работу приемного покоя еще никто не отменял. Или отменял? – обратилась она к Стенбоку.

– А? Нет, до такого совершенства я еще не дошел. Спасибо, Элеонора Сергеевна, что подумали об этом.

– Не за что.

Проходя мыться, она поймала взгляд Кости. Он едва заметно кивнул.

Если в протоколе операции будет значиться ее имя, то при неблагоприятном исходе операции как пить дать запишут в заговорщики. Происхождение самое подходящее, плюс жена главного террориста. Как говорится, комментарии излишни. Все так, только нельзя прятаться за спиной у подчиненной. Нельзя, и все.

Пока она обрабатывала руки, Стенбок звонил по местному телефону в приемный покой, требовал врача на переливание крови, еще одного держать крючки и вызвать из дому какого-нибудь опытного хирурга, чтобы подменил Воинова в клинике.

– Надолго, а то и до утра, – сказал он в трубку, и тут до Элеоноры дошло, что она тут тоже надолго, а то и до утра. Руки она уже обработала, поэтому пришлось умолять Стенбока, чтобы позвонил Павловой и попросил покормить Соню и уложить спать.

– Не извольте беспокоиться, – хмыкнул Александр Николаевич, – но как это все же в духе времени – мать работает, а партия нянчит.

– Я бы с радостью пошла домой, но сами видите…

– Да вижу, вижу, – перебил Стенбок, – только для того ли делалась революция, чтобы женщины вкалывали как проклятые вместо того, чтобы наслаждаться материнством?

– Вопрос, надеюсь, риторический?

– Конечно, Элеонора Сергеевна. Не сердитесь, я понимаю, что иначе сейчас никак, но, боюсь, это поколение выросших без матерей детей еще себя покажет. Еще заставит нас горько пожалеть…

Элеоноре стало обидно:

– Александр Николаевич, вы забываете, что и до революции в семьях рабочих и крестьян женщина должна была трудиться, да еще как.

Стенбок пожал плечами:

– Ну и много хорошего вы сейчас видите вокруг? Ладно, Элеонора Сергеевна, не сердитесь. Ситуация очень сложная, и вы поступаете как должно.

Коротко кивнув, Элеонора подошла к Любе, которая уже держала наготове стерильный халат. Санитарка вышла за растворами, и Стенбок сам подошел завязать ей тесемки на спине.

– Ничего, Элеонора Сергеевна, все будет хорошо, – сказал он вполголоса, почти на ухо, – и не такие метели нам в лица летели.

Ей вдруг стало не к месту весело, и на секунду поверилось, что все действительно будет хорошо.

Тут в операционную влетел второй ассистент, Элеонора не сразу узнала его под маской. Это был курсант третьего курса, благоговевший перед Костей и всегда готовый встать на крючки, как только выпадала такая возможность.

«Ну да, кто в здравом рассудке полезет с ножом на целого комиссара госбезопасности, тем более когда уже ясно, что орденов тут не найдешь, – фыркнула про себя Элеонора, открывая новый бикс со стерильным бельем, – вот и прислали ребенка, а он и рад-радешенек сунуть голову в петлю».

– Что ж, коллеги, приступим, – сказал Костя спокойно, – начнем потихоньку мобилизацию, ибо чем сложнее случай, тем неукоснительнее надо соблюдать самые простые правила.

Он протянул руку, и Элеонора подала ему зажим. Ах, она уже начала забывать, как с Костей хорошо работается, как он всегда спокоен и сдержан, а движения его уверенны и точны.

Работа закипела. Сейчас мысли и действия всех присутствующих были подчинены только одному – отвоевать у смерти хоть небольшой кусочек жизни для человека, лежащего на операционном столе. Все остальное было сейчас не важно. Элеонора даже позабыла о том, что беременна и что в ее положении не слишком полезно стоять на больших операциях. Благо об этом не забыла Любочка и тихонько притащила для своей начальницы высокую круглую табуретку, так что Элеонора могла бы присесть, если устанет.

Впрочем, об усталости думать было некогда. Она еле успевала подавать инструменты и заряжать иглодержатели. Работа оказалась очень сложной. Пока Костя отходил от поджелудочной, она несколько раз мысленно перекрестилась, так близко прилежала опухоль. Уже и сам Костя вздохнул: «Кажется, зря я ввязался в эту авантюру», – как опухоль вдруг отделилась будто сама собой, после чего была торжественно брошена в таз.

– Препарат! – сказал Костя. – Можно я покурю перед реконструктивным этапом?

– Какое покурю! – завопил Стеценко. – И так вагон времени потеряли на своих творческих метаниях! Шейте быстро, чтобы я его хотя бы до послеоперационной палаты довез!

– Больной что, так плох? Гемодинамически нестабилен?

Стеценко замялся.

– Да нет, пока все нормально, – процедил он нехотя, – но если вы будете курить каждые пять минут, то я ни за что не отвечаю.

– Ладно, ладно, потерплю. Только торопиться не будем. Опухоль ушла тяжело, но все же с меньшей кровью, чем я думал, так что, если больной погибнет из-за моей небрежности при наложении анастомоза, будет крайне обидно.

В стерильной зоне операционной не найдется ни одной деревянной поверхности, чтобы постучать, но три раза через левое плечо Элеонора все же украдкой плюнула.

Заглянул Стенбок, проверить, все ли у них в порядке, дежурно восхитился опухолью в тазике и подошел к Элеоноре с известием, что беспокоиться не о чем, Мария Степановна в курсе дела, накормит и уложит ребенка в лучшем виде.

Хирурги начали реконструктивный этап – дело тонкое, кропотливое, но гораздо более спокойное, чем мобилизация и удаление огромной опухоли, от которой до самого последнего момента не знаешь, чего ожидать. Элеонора присела на табуретку и только теперь поняла, как устала. Пожалуй, знаменитая фраза Анри Этьена «ах, если бы молодость знала, ах, если бы старость могла» лучше всего подходит именно к хирургии. Настоящим мастером хирург становится годам к сорока, и тут обнаруживается, что он уже не тот юный огурчик, что мог сутки простоять у операционного стола, а потом мчаться на танцы как ни в чем не бывало. Костя пока в счастливой поре расцвета, а ей уже тяжеловато. Пока в основном из-за беременности, но потом легче не станет.

Нет, больше, пожалуй, не нужно вставать на большие операции. Надо взять у врача справку и полностью отказаться от дежурств. Штат укомплектован, девочки хотят работать, они будут только рады лишним сменам. А с нее и обязанностей старшей довольно, на операцию она встанет, только если привезут самого Сталина. Элеонора усмехнулась, вспомнив, как Павлова под страшным секретом рассказывала ей про визит Сталина в Ленинград после убийства Кирова. Как впереди него всюду шел Ягода с пистолетом в вытянутой руке, готовый мгновенно выстрелить в любого, кто покажется ему подозрительным. Интересно, докторов к Сталину тоже приводят под дулом пистолета? Да, в общем-то, дуло и не нужно, врач и так знает, одно неосторожное движение – и ему конец. Слушает сердце великого вождя, а сам думает, шаг вправо – шаг влево, и я на Соловках. Способствует ли это точной диагностике, большой вопрос. Элеоноре внезапно стало так жалко Сталина, которого из-за ужаса перед ним обязательно когда-нибудь залечат, что она, на автомате подавая заряженные иглодержатели, не заметила, как Костя закончил анастомоз.

– Элеонора Сергеевна, доложите счет инородных тел, – скомандовал он.

Забыть что-то в брюшной полости гораздо легче, чем кажется, особенно если операция сопровождается кровопотерей, поэтому Элеонора заставила санитарку расстелить на полу простыню и разложить на ней использованные тампоны, а инструменты посчитала дважды, чтобы точно убедиться, что все на месте, о чем и отрапортовала.

– Приступаем к ушиванию брюшной стенки, – доложил Костя.

– Могли бы и побыстрее, – буркнул Стеценко, ставя на штатив капельницы флакон с кровью, – сейчас хоть дайте бурный спурт, пациент давно со стола просится!

Элеонора тихонько улыбнулась. Она знала эту черту молодого доктора: чем лучше у него шел наркоз, тем сильнее он хамил хирургам.

– Что такое? Больной нестабилен? – нахмурился Костя.

– Да нет, давление держит отлично, просто рекорд для закрытых помещений. Я даже не думал, что такой здоровый дядька окажется, лопатой не убьешь! Зато я с утра не ел, а вы, Константин Георгиевич, наверняка до смерти курить хотите.

– Пять минут, – Костя протянул руку, в которую Элеонора картинно, с хлопком вложила зажим Микулича.

В другое время Стеценко что-нибудь ответили бы, такое же глупое, например, что война войной, а обед по расписанию, или пошутили бы про железного Феликса, словом, дурацкой болтовней разрядились бы после колоссального напряжения, а теперь нет, теперь молчат. Опасно смеяться. Даже расхожее выражение «лопатой не убьешь» при желании можно истолковать превратно. Вроде бы все люди надежные, достойные, а вдруг выплывет анонимка с душераздирающим рассказом о том, как доктор Стеценко хотел убить лопатой комиссара госбезопасности, и никто из присутствующих его не скрутил, не сдал в НКВД, стало быть, они все как минимум одобряли его план, а то и участвовали в нем…

– Конец операции. – Костя снял перчатки и швырнул в таз.

– Да неужели, – хмыкнул Стеценко, и все рассмеялись впервые с начала операции.

Оказавшись у себя в кабинетике, Элеонора упала на стул и закрыла глаза. Всего один квартал отделял ее от блаженства на собственной кровати, но сейчас она не способна была пройти этот квартал.

– Можно к тебе, Лелечка? – Костя вошел и опустился прямо на пол рядом с нею, положив голову ей на колени. – Устала?

– Угу…

– Ты напрасно сама помылась.

– Знаю. Но не могла же я Любу подставить под удар.

– Я понял. Поэтому ничего тебе и не сказал.

Она положила руку мужу на затылок, надеясь, что остатки ее энергии каким-то образом перейдут к нему и помогут продержаться до утра.

– Ты, наверное, иди приляг у себя в кабинете, – сказала она, – отдохни, пока в приемник не дернули.

– Мне тут лучше всего. Рядом с тобой, и пол так приятно освежает.

– Чаю тебе приготовить?

– Нет, давай так посидим.

– Давай.

Он провел рукой по лодыжке Элеоноры и нахмурился:

– У тебя ноги отекли.

Она засмеялась:

– Интересно, почему бы это?

Костя даже не улыбнулся в ответ:

– Сильно отекли. Больше, пожалуйста, не делай так. Иначе я буду думать не о ходе операции, а о тебе и о малыше. Знаешь что, пожалуй, я скажу Стенбоку, пусть оформит тебе на завтра отгул.

Мысль показалась Элеоноре соблазнительной.

– А что? У меня как раз обеда нет. Только я сама его попрошу, чтобы не разводить семейственность.

Не успела она задуматься, где искать начальника клиник, как дверь открылась и он вошел сам.

– О! – воскликнул Александр Николаевич, увидев их, и отступил, но Костя закричал «входите, входите!», нехотя поднялся с пола и уселся на подоконник, указав Стенбоку на единственный свободный стул.

– Не хотел вас тревожить. – Стенбок сел, не глядя на них. – Только доложить, что пациент благополучно размещен в послеоперационной палате.

– Спасибо. Я проведаю его через часок.

– Если что, я буду у себя.

Элеонора попросила отгул, Александр Николаевич без колебаний разрешил его, потом поднялся, выглянул в коридор, тщательно закрыл дверь и подошел к Косте почти вплотную.

– Надеюсь, товарищи, вы понимаете, что, если наш пациент не выживет, нам тоже не поздоровится? – спросил он вполголоса.

– Само собой, – Костя улыбнулся.

– Поэтому я попрошу вас записать протокол самым подробнейшим образом, а не как вы это обычно делаете. Опишите опухоль как есть, а не просто плотное образование пять на семь, объясните, почему ушивание перфоративного отверстия было признано невозможным, словом, все. Это нас, конечно, не спасет в случае чего, но все-таки…

– Будет исполнено, Александр Николаевич.

– И вы, Элеонора Сергеевна, тщательно заполните все ваши журналы. Чтобы буквально не к чему было придраться.

С этими словами Стенбок взялся за ручку двери, чтобы идти к себе, но, взглянув в густую осеннюю тьму за окном, предложил проводить Элеонору домой.

Простившись с Костей, они вышли в осеннюю ночь. В темноте висела еще тень прошедшего недавно дождя, придавая фонарям слабое радужное сияние, а редкие светящиеся окна почему-то напомнили Элеоноре костры в лесу. Почему люди не спят так поздно, бог весть… У кого-то, может быть, сейчас идет обыск, поэтому и горит лампа, а кажется, что ее уютный теплый огонек освещает молодоженов, которым мало дня насытиться друг другом, или студента, лихорадочно листающего конспекты, или мать с малышом. Так хочется думать, что за всеми окнами, и темными и светлыми, люди чувствуют себя уверенно и спокойно…

– Так и живем, Элеонора Сергеевна, – вдруг прервал Стенбок ее горькие мысли, – так и живем.

– Так и живем, Александр Николаевич.

– Вы с Константином Георгиевичем проявили сегодня редкое мужество, – вдруг сказал Стенбок.

Элеонора от удивления остановилась.

– Да, да, запомните этот момент, он может никогда не повториться, – усмехнулся он, – я ведь так скуп на похвалы.

– Мы просто выполняли свой долг, Александр Николаевич.

Мимо медленно, ощупывая фарами дорогу, проехал грузовик и свернул на перекрестке. Стенбок крепче сжал руку Элеоноры и ускорил шаг.

– В нынешние времена выполнять свой долг без оглядки на начальство – это уже подвиг, – сказал он мрачно. – Знаете, Элеонора Сергеевна, я порой думаю, что скажут о нас потомки лет через сто? Может быть, что не так уж много было напрасных жертв и что в эпоху великих свершений они неизбежны… Один невинно пострадавший на тысячу, пустяки, не стоит и вспоминать. Но только надо понимать, что этот один делает с остальными девятьюстами девяноста девятью. Когда к затылку каждого приставлен пистолет, сознание, что выстрелит только одно оружие из тысячи, не слишком помогает. Я офицер, и я готов погибнуть за свою страну

даже от пули чекиста, но, признаюсь честно, сейчас становлюсь себялюбив, недоверчив и подл, вот в чем настоящая беда…

* * *

Катя была счастлива. Она больше не была одна и, что еще важнее, чувствовала, что больше не будет одна до самой смерти. Голова кружилась от этого нового и пока непонятного сознания.

По ночам, прижимаясь к мужу, целуя его жесткие, уже начинающие седеть волосы, Катя приходила то ли в ужас, то ли в восторг от мысли, что теперь они со Стенбоком плоть едина и судьба теперь одна на двоих. Рядом с ней он оставался таким же строгим, как она знала его в клинике, но порой в глазах, в улыбке, в неожиданно нежном прикосновении Кате виделась тень настоящего Стенбока, того человека, которого он скрывал не только от нее, но и, кажется, от себя самого. И Катя хотела и боялась человека этого узнать.

«Интересно, это и есть любовь?» – думала Катя, когда при взгляде на мужа ей вдруг становилось тепло и радостно на душе.

Этого тихого счастья было так много, что вскоре обязательно должен был появиться кто-то еще… Может быть, с такими же красивыми глазами, как у Александра Николаевича…

Катя спокойно ждала наступления беременности, уверенная в том, что ребенку будет хорошо появиться на свет у таких любящих родителей. Придется снова брать академический отпуск, ну так что ж, ей не впервой отчисляться и восстанавливаться в институте.

Она не читала газет и на улице отворачивалась от огромных портретов вождей, уже зная, что в любую секунду этот портрет может быть снят, заменен и сделано так, будто его никогда и не было, и на политзанятиях старалась думать о чем угодно, только не о том, что вещает лектор. Катя надеялась, что если не пускать тьму в свою жизнь, то она не войдет, не поглотит свет их уютного домашнего очага. Все равно она чувствовала дыхание этой тьмы за спиной, но тем острее было ее счастье.

Но как всегда бывает в жизни, стоило ей только подумать, «как же хорошо живем мы с мужем и никогда не поссоримся», как тут же разразилась гроза.

После института Катя побежала в больницу на разбор одного интересного больного. Проводилась дифдиагностика между туберкулезом и злокачественной опухолью верхушки легкого, и пропустить такое, конечно, было нельзя. Как и невозможно было после разбора не попить чайку с Верочкой Малышевой, с которой Катя толком и не виделась после замужества и с которой это самое замужество необходимо было обсудить.

В болтовне с подружкой время летело незаметно, и домой Катя попала только к семи вечера, но не беспокоилась об этом, потому что Стенбок обычно раньше восьми из клиники не приходил.

Однако он оказался дома, сидел в любимом Таточкином кресле так, будто принимал парад верхом на лошади. Увидев Катю, он отложил газету и встал. Газета очень громко прошуршала в ледяном молчании.

– Где вы были, позвольте осведомиться? – процедил он.

Катя, еще не понимая, что попала в бурю негодования, начала рассказывать про клинический разбор и Верочку, но Стенбок остановил ее:

– Довольно! – Он принялся расхаживать по комнате, заложив руки за спину, что, как Кате было известно еще со времен работы в академии, служило у него признаком крайнего бешенства. – Довольно! Катя, ради вас я практически полностью изменил свой уклад жизни и, согласитесь, вправе был ожидать, что вы тоже пересмотрите кое-какие свои привычки!

– Я стараюсь, – буркнула она, опускаясь на стул. Силы вдруг покинули ее. Счастье, казавшееся таким незыблемым, вдруг лопнуло, как мыльный пузырь. – Но я не думала, что мне нельзя учиться и общаться с подругами.

– Не надо передергивать! – отмахнулся он с досадой. – Я ни в чем вас не ущемляю, но, когда человек женится, он, приходя домой после тяжелого дня, имеет право рассчитывать на нежный поцелуй и горячий ужин!

– Александр Николаевич, ужин я сейчас приготовлю, буквально пять минут, а поцелуй – вот он. – Катя хотела обнять мужа, но он отстранил ее аккуратно и холодно.

– Не трудитесь, я уже все приготовил. – Стенбок указал на табуретку в углу, где действительно стояла кастрюлька, накрытая старым Таточкиным пуховым платком. – Можем садиться есть, если вы дадите себе труд накрыть на стол.

– Да, я сейчас… – У Кати закружилась голова, как от кровопотери. Своей холодностью Стенбок и правда будто разрубал те живые нити, что протянулись между ними. Слова, упреки – это она бы приняла, тем более что не совсем они несправедливы, но этот холодный жест…

Стремительно переодевшись и вымыв руки, Катя побежала накрывать, надеясь этой поспешностью хоть что-то исправить. Нарезала соленый огурец к сваренной Стенбоком картошке, положила несколько кусочков хлеба в любимую Таточкину корзинку, плетенную из серебряных нитей.

Александр Николаевич молча наблюдал за ее хлопотами.

– Простите меня, пожалуйста, – взмолилась Катя, хоть и не чувствовала себя виноватой по-настоящему. В конце концов, если хочешь горячий ужин, приходи домой вовремя, а не сваливайся как снег на голову на два часа раньше. Но вслух она побоялась высказать эту дерзкую мысль.

Стенбок пожал плечами:

– Я не сержусь, только как вы планируете нашу жизнь дальше? Так и будете носиться куда только душа пожелает?

– Но это по учебе…

– Не спорю, учеба – это важно, но у вас теперь есть семья. Не забывайте, что вы замужняя женщина, что подразумевает определенный круг обязанностей! Хорошо, допустим, я самостоятельный человек, не пропаду, но что будет, если бог благословит наш союз? Простите, но я физически не смогу кормить грудью нашего ребенка, пока вы пропадаете на клинических разборах и куда вы там еще ходите по вечерам. Если вдруг вы этого еще не проходили в институте, спешу сообщить, что у мужчин грудные железы находятся в рудиментарном состоянии и не способны вырабатывать молоко.

– Долго думали? – огрызнулась Катя неожиданно для себя.

– Над чем?

– Над этим убийственным сарказмом.

– Пока чистил картошку.

Катя с жестким и глухим стуком поставила тарелки на стол:

– Готово.

– Что ж, давайте есть.

Сели. Только сейчас Катя сообразила, что он снова называет ее на «вы». Она так и не смогла преодолеть этот барьер, не из какого-то страха или благоговения, просто на «вы» было удобнее. Он же после их первой брачной ночи перешел на «ты», и в этом «ты» Кате виделась настоящая близость. Теперь она закончилась…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.